

УДК 167.316

<https://doi.org/10.36906/NVSU-2022/39>

Борычева А.А.,

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана;
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
г. Москва, Россия

ФИЛОСОФСКО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ КАК ОСНОВА РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются модели социальной реальности, рассматриваются разные точки зрения на основы реальности. Также рассматривается связь между текстом и социальной реальностью, и как следствие исследуется текстовая реальность. В качестве метода исследования предлагается герменевтический метод, в связи с чем рассматривается роль философской герменевтики в современном обществе. Особое внимание уделяется исследованию газетных текстов в целях реконструкции социальной реальности.

Ключевые слова: социальная реальность; взаимопонимание; дискурс; текстовая реальность; философская герменевтика.

В современном обществе существует множество проблем, часть из которых являются имманентными именно для данного этапа развития общества, например, сильнейшая интернет-зависимость его членов. Другие же проблемы можно было наблюдать на протяжении всей истории развития общества, к таким проблемам, например, относятся пандемии. Безусловно, общества имеют не только временные различия, но так же и территориальные. Внутри каждой страны есть свои собственные эндемические проблемы, но в связи с процессом глобализации национальные различия становятся более сглаженными. В большинстве случаев в современном обществе причиной бесчисленных проблем является человеческое действие. Так, Макс Вебер вводит понятие «социальное действие», то есть действие человека, соотнесенное с действием другого индивида в обществе [3, с. 332]. Жан Бодрийяр, в свою очередь, полагает, что отражением общества является массово-информационная культура, только образ общества в СМИ он считает сильно искаженным [2, с. 139]. Возникает естественный вопрос: можно ли судить об обществе по статьям в газетах и журналах? Будет ли полученная из них информация и выводы на основе нее достоверными? Насколько сильно будет искажение социальной реальности, если рассматривать последнюю через призму текста газетных статей? Но прежде всего, нужно определиться, что включает в себя понятие «социальная реальность».

Существует определенный плюрализм точек зрения различных авторов касаясь данной проблемы. Для В. Дильтея модель социальной реальности заключается в том, что субъект и объект исследования совпадает, при этом огромное внимание уделяется пониманию между субъектами [5, с. 210]. П. Бергер и Т. Лукман также задаются вопросом о том, что представляет

собой реальность и что можно считать реальным. На этот вопрос авторы отвечают при помощи социологии знания и посредством детерминации реальности повседневной жизни [1, с. 12]. Таким образом, если для В. Дильтея определяющим является понимание, то у Бергера и Лукмана ключевым моментом является знание. В своем труде «Истина и метод» Х.-Г. Гадамер говорит о взаимопонимании как основе всего, и полагает, что оно зиждется в языке, в процессе intersubjectной беседы или дискурса [4, с. 446].

Такой дискурс может быть устным (непосредственная беседа) и зафиксированным в буквенном виде (текстом). В связи с вышесказанным возникает вопрос о том, как связаны между собой текст и социальная реальность? На сознание индивида влияет окружающая его социальная реальность, так называемая ситуация «здесь и сейчас». При этом каждый человек по-разному воспринимает данную реальность, которая оказывает разное воздействие на каждого конкретного человека данного общества, что отражается непосредственно в сознании данного индивида. Иными словами, с одной стороны у всех людей, живущих в одном обществе, принадлежащему к одному пространственно-временному континууму, существует общая единая реальность со своими проблемами. С другой стороны, оттенки этой реальности у каждого свои и отличаются друг от друга под воздействием личного восприятия.

Нельзя однозначно сказать, какое восприятие социальной реальности является истинным, а какое видение заведомо ошибочным. При этом людям нравится переключаться между реальностями: они ходят в театр, играют в игры, мечтают. Часто для перехода из реальности в реальность используются зрительно-слуховые образы и ассоциации. Но даже такая парадигма реальностей не может дать единый и целостный образ социальной реальности. К тому же реальности, возникающие в результате перформанса, каким бы захватывающим он ни был, гаснут, при возвращении человека к реальной жизни и в социальную реальность. Все эти реальности непосредственно связаны с речемыслительной деятельностью человека и манифестируются посредством языка. Фактически человек транспонирует окружающую его реальность в звукобуквенную форму. При этом практически невозможно объективно передать социальную реальность, в процессе транспонирования происходит неизбежная ее субъективация, связанная с личностью интерпретатора этой реальности и его адресата. Но социальная реальность почти всегда субъекта, она не может существовать без фактического или мыслительного действия человека в отличие от объективной и физической реальности. При этом сторонники феноменологической социологии П. Бергман и Т. Лукман считают язык одним из самых объективных способов отражения и интерпретации социальной реальности.

Наиболее удобным для последующего исследования является текстовое воплощение языка. И поэтому можно рассматривать в качестве объекта исследования текстовую социальную реальность или, иными словами, реконструировать социальную реальность на основании анализа текста. Инструментом же философского анализа любого текста является герменевтика. Николас Дэви (рассматривает герменевтику, как «универсальность с неограниченной областью применения» [7, с. 179]. Можно сказать, что такое определение является удачной формулировкой формальной характеристики герменевтики, гуманитарных

наук и связанных с ними практик, занимающихся концептуальными понятиями, которые были не определены, а накоплены в ходе истории. Герменевтика и связанные с ней науки – это не закрытые для исследования области, а новые формы интеллектуальной деятельности, характер или «сущность» которых постоянно изменяется и расширяется по мере накопления знания. Фактически герменевтика является областью, открытой для исследования, областью, которую нельзя определить никакой заранее подготовленной дефиницией. Что представляет собой герменевтика и чем она может стать все еще остается открытым вопросом. Возможные ответы на этот вопрос можно получить только в процессе откровенных и бесконечных разговоров и споров. Такое диалогическое вовлечение участников является причиной исторической значимости и силы герменевтики.

Философская герменевтика – это открытая область для исследований, характеристики которой не могут быть полностью определены. В самой философской герменевтике можно найти достаточно доказательств этого утверждения. Она не поддается полному умозрительному описанию. То знание, которое накоплено на сегодняшний момент, является результатом продолжающихся исторических повествований, которые по определению не могут быть конечными, так как история понимания и его интерпретации продолжается. Поэтому нет основания полагать, что то, что на данный момент известно как философская герменевтика, является исчерпывающим понятием. Она все также остается открытой областью, незаполненной до конца, но всегда способной к более полному отображению. Философская герменевтика может быть открытой областью, но ее общая характеристика выводится из истории ее воздействия. Хотя эта концепция близка Гадамеру, но история концептуального воздействия не может быть окончательно определена. Проблема здесь заключается не в эпистемологической конечности исторического понимания как такового, а в его онтологическом статусе, а именно в продолжающемся, и, следовательно, незавершенном характере ее исторического раскрытия. Язык также является открытой областью: то, что станет эффективной формой смыслового значения в будущем, уже сейчас неизменно влияет на нас из прошлого. При этом то, что будут раскрывать эти смысловые конфигурации, зависит от неизвестных обстоятельств, возникающих в будущем и влияющих на способ раскрытия значений. В самой природе истории воздействия заложено постоянное движение и открытость для потенциальных смысловых значений. Интерпретация обнаруживает воздействие потенциального внутри самого понимания. Другими словами, историческое воздействие свидетельствует о присутствии неизвестного. Отсюда следует, что хотя история концептуального воздействия может и действительно раскрывает характеристики области, именуемой философской герменевтикой, также очевидно, что эта область никогда не сможет быть объектом исследования во всей своей полноте. Все вышперечисленное подчеркивает, что философская герменевтика не является конкретной теорией или философией понимания, но, прежде всего, представляет собой способ размышления над тем, что уже происходит в коммуникативных практиках и смысловом опыте.

Перспективный подход к опыту в обязательном порядке расширяет субъективные горизонты сознания индивидуума. А диалогический подход к смысловому опыту расширяет

понимание воздействий, происходящих внутри него, и оно добавляется к уже существующей субъективной коллективной реальности, формирующей индивидуальный опыт человека. Учитывая тот факт, что философская герменевтика действительно является открытой для исследований областью, то перспективный, диалогический и общий подход к проблемам является не только правильным подходом к дисциплине, но также расширяет ее культурное и интеллектуальное воздействие.

В «Истине и методе» Гадамер описывает процесс перевода как процесс, который хотя и стремится к максимальной близости с исходным текстом, но всегда ставит нас перед невозможностью полностью передать смысл текста в переводе: всегда есть различие. Переводчик сталкивается с семантической избыточностью, для передачи которого в языке перевода нет слов, что приводит к неизбежному выбору: он должен определить – или объяснить – эту относительную неопределенность, которая проявляется по отношению к языку перевода, но определенно не по отношению к исходному языку. Можно отметить, что в нашем переводе, если мы хотим выделить какую-то особенность оригинала, которая важна для нас, мы можем сделать это, только преумножая или полностью подавив другие особенности. Но это именно та деятельность, которую мы называем интерпретацией.

Письменный перевод, также как и устный, – это выделение. Переводчик должен понимать, что выделение – это часть его задачи. Очевидно, что он не должен оставлять открытым что-либо непонятное ему. Он должен показать свои цвета. Тем не менее, именно эта открытость и является основной силой герменевтических рассуждений. Именно потому, что область понятий герменевтики является скорее открытой, чем закрытой, то каждая новая интерпретация добавляет объекту герменевтики дополнительное значение. В герменевтике и гуманитарных науках сущность универсального основывается не на повторении, абстракции и индукции, как в научном знании, а на интеграции и увеличении. В герменевтике более универсальным является не то, что имеет наименьшее количество коннотаций, а наоборот, то, что представлено наибольшим количеством интенциональных характеристик или определений. Тот факт, что в герменевтике наблюдается избыточность смысловых значений, а также то, что ни один перевод не может быть сведен к другому, и что никакая интерпретация не может быть логически соизмеримой с его предметом, не только подтверждает формальную невозможность герменевтики, но и ее жизненно важное практическое значение. Только благодаря постоянному взаимодействию интерпретации и перевода последовательный генезис различий может увеличиваться и преумножать культурные универсалии, сформированные и передаваемые герменевтикой. Также вполне очевидно разнообразное интеллектуальное воздействие философской герменевтики. Например, можно попытаться рассматривать герменевтику как способ риторического рассуждения, действующего независимо от тенденции современных методологических рассуждений. В «Истине и методе» Гадамера противопоставление научного и герменевтического рассуждений сводится к двухкомпонентному [4, с. 281].

Герменевтический анализ также крайне полезен при анализе идеологизированных текстов, а также текстов, содержащих императивы, направленные на адресат. В то время, когда

существует изрядный скептицизм в отношении того, что называется «громкими словами» в политике и моральных устоях, умение различать и преодолевать разницу между словами говорящего и смыслом сказанного является политически крайне актуальным. Тот факт, что более не существует последней инстанции по отношению к «истинности» интерпретации, только усиливает доводы в пользу герменевтики как риторического навыка.

Подчеркивается необходимость интуиции и рассуждения для того, чтобы в атмосфере неопределенности найти из множества существующих доводов наиболее подходящий в пользу позиции, которой мы будем придерживаться. Неспешное, вдумчивое и разборчивое чтение, а также способность в зависимости от обстоятельств переключаться и выбирать между различными моделями рассуждений, является именно тем, что герменевтика, рассматриваемая как риторический навык, может предложить современным образовательным институтам. Суммируя все вышесказанное, можно снова вернуться к вопросу, поставленному в самом начале статьи: можно ли реконструировать социальную реальность путем герменевтического анализа именно текстов газетных статей? Ж. Бодрийяр, даже опираясь на рекламные тексты, реконструирует социальную реальность и анализирует актуальные проблемы в обществе. Его возмущает, что в рекламе пальма первенства отдается молодым людям или старым, автоматически помещая людей среднего возраста на второе место, что культ семьи показывается зачастую на примерах людей, принадлежащих высшему свету [2, с. 139]. Отсюда можно сделать полезные для герменевтического анализа подобных текстов вывод, что то, что скрыто пропагандируется в рекламных текстах, на самом деле является дефицитом в нашем обществе: дружные большие семьи, где не ругают детей и бережно относятся к старикам, здоровый образ жизни, любимая работа, дружный коллектив единомышленников. В настоящее время вместо рекламных текстов, содержащих рекомендации, как интересно провести время во время отдыха на зарубежных курортах, можно встретить тексты, содержащие информацию, как уберечь себя и близких от заражения Covid. В газетных статьях, носящих информационно-новостной характер, герменевтический анализ помогает разобраться в процессах, происходящих в обществе. Принцип анализа подобных статей отличается от принципа анализа рекламных текстов. В информационных текстах непосредственно содержится та информация, которая помогает реконструировать социальную реальность, но также при философско-герменевтическом анализе текстов можно заметить те нюансы, которые ускользают при простом прочтении данной информации. Например, в испанской прессе в значении *коронавирус* встречается неологизм **coronillavirus**. В этом случае речь идет о словосложении, основанном на игре слов в целях создания комического эффекта, в котором первый компонент **coronilla** (макушка) представляет собой усечение целой фразы *estar hasta la coronilla* (быть сытым по горло): «**Coronillavirus**: afecta el cerebro...» (Коронавирус: влияет на головной мозг...) [6, с. 153]. При герменевтическом анализе данного заголовка статьи можно сделать вывод, что коронавирус в обществе уже долгое время и его последствия действительно тяжелые для общества. А также по большому количеству появившихся неологизмов можно сделать вывод о том, что у людей, находящихся на самоизоляции, было настолько много свободного времени, что был нарушен принцип

экономии языка, и начали интенсивно искусственно создаваться новые слова. Наша социальная реальность есть ни что иное, как потенциальное прошлое для нашего будущего.

И наши потомки, читая подобные статьи и анализируя их текст герменевтическим методом, смогут, хотя и с неким искажением, реконструировать для себя прошлое, являющееся настоящим для нас. Именно искажение и является причиной того, что существует определенный скептический настрой ученых относительно герменевтического метода исследования. Но как не существует единственно верной философии, так и не может быть единственного истинного толкования и интерпретации текста. К тому же, если говорить о текстах, относящихся к прошлому, то истинность их интерпретации сложно проверить. Философская герменевтика нуждается в переосмыслении, но деконструктивная критика теоретически искажает и затемняет то, что может быть осмыслено и реконструировано в герменевтике. Деконструктивная критика не является неправильной: она справедливо утверждает, что не существует окончательного варианта интерпретации, но если последняя идет с искажениями, это связано с ошибкой, заложенной в ней самой. Критики герменевтики часто отказываются понимать, что то, что воспринимается как ограниченная возможность интерпретации, на самом деле является предпосылкой ее бесконечной способности к трансформации.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2021. 320 с.
3. Вебер М. Понимающая социология. М.: АСТ, 2021. 480 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1: Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 730 с.
6. Зверева Е.В. Неологические процессы в эпоху пандемии COVID-19: публицистический дискурс и дискурс соцсетей (на материале испанского и французского языков). М.: РУДН, 2021. 175 с.
7. Davey N. Philosophical Hermeneutics and Ontology // Journal of the British Society for Phenomenology. 2017. Vol. 48, №3. P. 179-185.

© Борячева А.А., 2022